

Frank Stokes

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

Предыстория к роману «Дракула»

«Гость Дракулы» был удален из первого издания романа его издателем по причине слишком большого объема рукописи. Рассказ был впервые опубликован в 1914 году, спустя два года после смерти автора.

В день отъезда солнце над Мюнхеном светило ярко, и воздух был напоен ароматами раннего лета. Перед самым отправлением господин Дельбрюк (метрдотель гостиницы «Времена года», в которой я остановился) спустился с непокрытой головой к экипажу и, пожелав мне приятной поездки, обратился к кучеру, еще придерживавшему дверцу кареты:

— Помни, ты должен вернуться до полуночи. Небо ясное, но по зябкому северному ветру чувствуется, что буря может начаться внезапно. Впрочем, я не сомневаюсь, что ты не станешь задерживаться, — тут он улыбнулся и добавил: — Ты же знаешь, что за ночь сегодня.

— Ja, mein Herr!¹ — с важным видом отозвался Иоганн, коснулся своей шляпы и хлестнул лошадей. Когда мы выехали из города, я жестом попросил его остановиться и спросил:

— Скажите, Иоганн, что за ночь сегодня?

— Вальпургиева ночь, — перекрестившись, коротко ответил кучер. Затем достал часы — огромный, величиной с луковицу, старинный серебряный немецкий хронометр, — посмотрел на них, нахмурился и нетерпеливо пожал плечами. Я понял, что таким образом он вежливо выражает раздражение бессмысленной задержкой, откинулся на спинку сиденья и дал знак продолжать путь. Кучер тут же тронулся, словно спешил наверстать упущенное время.

Лошади то и дело вскидывали головы и подозрительно прищипывались. В такие моменты я часто встревоженно оглядывался по сторонам. Путь был унылым. Мы пересекали высокое, продуваемое ветром плато. Я заметил боковую дорогу, почти заросшую. Извиваясь, она углублялась в небольшую долину.

Дорога была так заманчива, что я, рискуя навлечь на себя недовольство Иоганна, велел ему остановиться и, когда он натянул поводья, сказал, что хочу спуститься по ней.

Часто крестясь, он стал отговаривать меня от этой затеи, тем самым лишь подстегнув мое любопытство. Я стал расспрашивать его. Он отвечал уклончиво и постоянно нетерпеливо смотрел на часы.

— Что ж, Иоганн, я хочу отправиться по этой дороге, — наконец сказал я. — Не предлагаю вам присоединиться ко мне, если сами не захотите, но тогда расскажите, почему вы отказываетесь по ней ехать. Это все, о чем я прошу.

Вместо ответа он спрыгнул с козел и, протягивая ко мне руки, стал умолять отказаться от моего намерения. Английские слова он путал с немецкими, и я едва мог понять его. Казалось, он уже был готов рассказать мне о том, о чем ему, очевидно, было страшно даже подумать; но, едва начиная говорить об этом, он умолкал и крестился, повторяя:

— Вальпургиева ночь!

Я пытался возражать ему, но спорить с человеком, говорящим на языке, которым не владеешь, не просто. Определенное преимущество было за ним: начиная говорить по-английски, грубо коверкая

¹ Да, мой господин! (нем.)

слова, он, волнуясь, неизменно переходил на свой родной язык, каждый раз поглядывая на часы. Вдруг лошади забеспокоились и стали принюхиваться. Кучер сильно побледнел и, со страхом озираясь по сторонам, схватил лошадей под уздцы и отвел их в сторону футов на двадцать. Я пошел следом и поинтересовался, зачем он это сделал. Вместо ответа он снова перекрестился, указывая на место, которое мы покинули, и направил экипаж в другую сторону, бормоча сначала по-немецки, а потом по-английски:

— Похоронили его... того, кто себя убил.

Я вспомнил о старом обычае хоронить самоубийц на перекрестках дорог.

— А! Понятно, самоубийство. Как любопытно! — сказал я, но все равно не мог понять, почему лошади так испугались. Пока мы разговаривали, послышался странный звук — нечто среднее между визгом и лаем. Он донесся издалека, но лошади забеспокоились так сильно, что Иоганну стоило больших усилий сдержать их. Он побледнел еще сильнее и сказал:

— Похоже на волка... Но ведь волки здесь больше не водятся.

— Не водятся? — переспросил я. — Разве волки время от времени не заходят в окрестности города?

— Бывает, — сказал он. — Но с первым снегом они всегда уходят.

Пока кучер поглаживал лошадей, пытаясь успокоить их, небо заволокли темные тучи, солнце спряталось, и нас обдало дыханием холодного ветра. Но это было лишь дуновение, больше похожее на предостережение, потому что вскоре солнце засияло снова.

Иоганн посмотрел на горизонт, приложив руку козырьком ко лбу, и сказал:

— Снежная буря скоро начнется.

Потом он опять посмотрел на часы и, крепко удерживая поводья, потому что лошади по-прежнему беспокойно переступали копытами и мотали головами, взобрался на козлы, словно собираясь трогать.

Во мне проснулось упрямство, и я не сразу сел в экипаж.

— Расскажите мне, — обратился я к нему, — куда ведет эта дорога, — и указал рукой вниз.

Кучер снова перекрестился и, прежде чем ответить, пробормотал слова молитвы.

— Там нечисто.

- Что именно нечисто? — не понял я.
  - Деревня.
  - Так, значит, там деревня?
  - Нет, нет. Никто не живет там уже сотни лет.
- Мое любопытство разыгралось.
- Но вы сказали, что там деревня.
  - Была.
  - Куда же она подевалась?

Иоганн начал длинный рассказ, настолько мешая английские слова с немецкими, что я с трудом его понимал. Я лишь уловил, что давным-давно, сотни лет назад, умерших жителей этой деревни хоронили в могилах; но однажды из-под земли стали доноситься странные звуки, а когда могилы вскрыли, мужчины и женщины в гробах выглядели как живые, а их рты были наполнены кровью. Поэтому, торопясь спасти свои жизни (и души! — перекрестившись, добавил он), те, кто остались в живых, бежали в другие места, где жили живые, а мертвые были мертвыми, а не... не превращались в невесть что. Последние слова дались ему особенно тяжело. Чем дальше он рассказывал, тем большим становилось его волнение. Казалось, будто воображение полностью овладело им, и когда он закончил свой рассказ, то сделался белым как мел, лицо его покрылось испариной; дрожа всем телом, он огляделся по сторонам, словно в любую секунду ожидая появления какого-нибудь чудовищного существа прямо здесь, на открытом пространстве в ярких лучах солнца. Наконец, охваченный мучительным отчаяньем, он воскликнул:

— Walpurgisnacht¹, — и жестом призвал меня сесть в экипаж. В ответ на это моя английская кровь закипела, и я, сделав шаг назад, сказал:

— Вы боитесь, Иоганн, вы слишком напуганы. Поезжайте домой, а я вернусь сам; прогулка пойдет мне на пользу.

Дверца экипажа была открыта. Я взял лежащую на сидении дубовую прогулочную трость, которую всегда ношу с собой во время экскурсий в отпуске, и закрыл дверцу. Махнув в сторону Мюнхена, я добавил:

— Отправляйтесь домой, Иоганн... Вальпургиева ночь не пугает англичан!

---

¹ Вальпургиева ночь (нем.).

Лошади пришли в необычайное волнение, Иоганну с большим трудом удавалось удерживать их на месте, однако он принялся уговаривать меня не совершать подобной глупости. Мне стало жаль беднягу, ведь в своем страхе он был совершенно искренен, но все равно я не смог удержаться от смеха. В своей тревоге он забыл, что единственным способом заставить меня внять его мольбам было говорить на языке, который я понимал, и лопотал что-то на своем родном немецком. Это становилось несколько утомительным.

— Домой! — велел я ему и направился к боковой дороге, ведущей в долину.

С возгласом отчаянья Иоганн повернул лошадей в сторону Мюнхена. Опершись на трость, я проводил его взглядом. Какое-то время экипаж медленно двигался по дороге; потом на гребне холма появился человек — высокий и худой, больше на таком расстоянии я ничего различить не смог. Когда он приблизился к лошадям, те встали на дыбы и, брыкаясь, заржали от ужаса. Иоганн не смог удержать их, и они понеслись по дороге, словно одержимые. Я проводил их взглядом, пока экипаж не скрылся из виду, потом поискал глазами незнакомца, но он тоже исчез.

С легким сердцем я свернул на боковую дорогу и начал спускаться в долину, так пугавшую Иоганна. Я не видел ни малейшего повода для его волнений. Пару часов я прошагал, не думая о времени и расстоянии и не заметив ни одного человека или дома. Вокруг царило полное запустение. Однако я этого не заметил, пока, зайдя за очередной поворот, не оказался на краю леса. Только тогда я осознал, что глубоко впечатлен первозданной красотой края.

Я присел отдохнуть и оглянулся по сторонам. С удивлением я почувствовал, что стало холоднее, еще я постоянно слышал звук, похожий на приглушенный печальный вздох, а потом откуда-то сверху послышался глухой рев. Взглянув на небо, я заметил огромные густые тучи, стремительно несущиеся с севера на юг. Где-то очень высоко собралась буря. Я немного продрог, но решил, что это следствие остановки после энергичной прогулки, и снова двинулся в путь.

Местность, по которой я проходил, становилась живописнее. Никаких примечательных объектов, на которых мог бы остановиться взгляд, но на всем лежал отпечаток безмолвной красоты. Я почти забыл о времени и только в густеющих сумерках задумался, как

мне возвращаться домой. Яркий день погас. Похолодало, и тучи над головой неслись все быстрее с отдаленным грохотом, в котором слышались отголоски того загадочного звука, который, по словам кучера, издавал волк. Мгновение я колебался, но напомнил себе, что должен увидеть ту заброшенную деревню, поэтому двинулся дальше и вскоре очутился в долине, со всех сторон окруженной холмами. Холмы до самых подножий поросли деревьями, которые образовывали небольшие рощи на их пологих склонах и в ложбинах. Я посмотрел вперед: дорога изгибалась возле одной из самых густых рощ и терялась в ней из виду.

Пока я всматривался в даль, подул холодный ветер и внезапно начал падать снег. Мысленно оценив расстояние, пройденное мной по открытой, не защищенной от ветра местности, я поспешил к лесу в поисках убежища. Небо становилось все темнее, снег падал все быстрее и гуще. Земля вокруг превращалась в белый сверкающий ковер, а даль скрывалась в туманной дымке. Дорогу теперь можно было разобрать лишь с трудом. Границы ее были совсем размыты, как если бы она проходила через вырубку, и вскоре я осознал, что, должно быть, сбился с пути. Под ногами исчезла твердая поверхность, и они стали погружаться в траву и мох. Ветер усилился и дул в спину с такой силой, что я вынужден был бежать под его натиском. Воздух стал ледяным, и, несмотря на все мои усилия, я начал замерзать. Снег кружился в таком безумном вихре, что слепил глаза. Небо прорезали яркие молнии, и в свете их вспышек я мог различить впереди заросли кипарисов и тисов, запорошенных снегом.

Я очутился под защитой деревьев и здесь, в относительной тишине, смог различить завывание ветра высоко над головой. Некоторое время спустя мрачная темнота бури превратилась в мрак ночи. Постепенно ветер стал затихать, напоминая о себе лишь яростными порывами и раскатами грома. В такие моменты начинало казаться, что звуки, похожие на волчий вой, слышатся со всех сторон.

Изредка сквозь черную массу несущихся облаков пробивался луч лунного света. В его сиянии я увидел, что нахожусь на краю густых зарослей тисов и кипарисов. Когда прекратился снегопад, я вышел из своего убежища и принялся изучать окрестности более внимательно. Мне показалось, что среди многочисленных старых, разрушенных до основания домов, мимо которых я проходил, направляясь к спасительным деревьям, было одно здание — скорее, руины, — в котором

я все же мог бы на какое-то время укрыться. Двинувшись к нему по лесной опушке, я обнаружил, что строение окружает невысокая стена. Пройдя вдоль нее, я наткнулся на ворота. Здесь кипарисы образовывали что-то вроде аллеи, которая вела к дому. Но едва я успел бросить на него взгляд, как тучи снова закрыли луну, и дальше мне пришлось идти в полной темноте. Должно быть, ветер сделался еще холоднее, так как, пока я шел, меня начало трясти. Но надежда оказаться под крышей заставляла меня пробиваться вперед, не разбирая дороги.

Сделалось очень тихо, и я остановился. Буря улеглась, и мое сердце, словно в созвучии с природой, как будто тоже перестало биться. Но это продлилось лишь какое-то мгновение, поскольку тучи неожиданно расступились, и в лунном свете я увидел, что стою посреди кладбища, а здание, к которому я шел, — это большой массивный склеп из мрамора, белого, как снег, укрывающий округу. С лунным светом буря напомнила о себе новым зловещим знаком: раздался длинный глухой звук, больше всего похожий на вой собак или волков. Я остановился, парализованный ужасом, и чувствовал, как холод все глубже проникает в меня, пока мне не стало казаться, что он добрался до самого сердца. Луна все еще освещала мраморный склеп, буря же снова дала о себе знать, предвещая свое возвращение. Словно зачарованный, я приблизился к гробнице, чтобы выяснить, почему строение стоит особняком в таком месте. Обойдя склеп кругом, я увидел дверь в дорическом стиле¹, над которой прочитал надпись на немецком языке: «Графиня Долинген фон Грац из Штирии. Искала и нашла смерть. 1801». Наверху прямо из камня — а строение состояло из нескольких огромных каменных блоков — торчал гигантский железный гвоздь или кол. Отойдя чуть назад, я прочитал надпись, сделанную большими русскими буквами: «Смерть ходит быстро».

Было во всем этом что-то такое странное и жуткое, что я почувствовал, как от страха теряю последние силы. Впервые я пожалел, что не прислушался к советам Иоганна. И тут как гром среди ясного неба в голову мне пришла неожиданная мысль, повергнувшая меня в настоящий шок. Настала Вальпургиева ночь!

Вальпургиева ночь. Ночь, когда, как верят миллионы людей, миром правит сатана, когда открываются могилы и из них выходят

---

¹ Дорический стиль — древнегреческий архитектурный стиль.

мертвые. Когда пируют все злые силы на земле, в воздухе и в воде. Именно этого места больше всего боялся кучер. Это и есть деревня, оставленная жителями столетия назад. Здесь покоится самоубийца, и именно здесь нахожусь я, лишенный мужества, дрожащий от холода под снежным саваном, в ожидании возвращения дикой бури! Мне потребовалось собрать в кулак все свои познания в философии и религии, чтобы не поддаться паническому страху.

В следующую секунду на меня налетел неимоверной мощи шквал. Земля содрогнулась, как будто по ней пронеслись тысячи лошадей. На этот раз ветер принес на своих ледяных крыльях не снег, а градины огромного размера, которые били в землю с такой силой, будто были выпущены из балеарских пращей¹, градины, которые сбивали с деревьев листья и ветки, так что теперь искать спасения под кипарисами не имело смысла. Сперва я бросился к ближайшему дереву, но потом вынужден был переместиться в единственное место, казавшееся теперь защищенным от града: массивный дверной проем мраморной усыпальницы. Там, вжавшись в тяжелую бронзовую дверь, я ощутил себя в относительной безопасности. Градины попадали на меня, только отскакивая от земли и мраморных стен.

Я прислонился к двери, и она немного приоткрылась внутрь. При такой безжалостной буре даже могильный склеп казался желанным убежищем. Я хотел было войти, но тут небо словно разрезало пополам огромной зигзагообразной молнией. В ту же секунду я увидел прекрасную женщину с полными щеками и ярко-красными губами. Женщина лежала в гробу, стоящем на возвышении, и, казалось, спала. Когда раздался оглушительный грохот, какая-то сила точно рукой гиганта схватила меня и швырнула под открытое небо. Все это произошло так быстро, что я сперва почувствовал, что на меня снова сыплются тяжелые градины, и лишь потом ощутил глубокое потрясение. У меня возникло странное и совершенно отчетливое ощущение, что я не один. Я снова устремил взгляд на склеп. И в тот же миг полыхнула новая вспышка молнии, которая, похоже, попала в железный стержень, увенчивающий гробницу, и огненной волной прошла по стенам в землю, при этом раскалывая и кроша мрамор. На секунду объятая пламенем женщина приподнялась в страшной

---

¹ Гибкое, жесткое или комбинированное метательное военное оружие. Предназначено для метания камней или специально изготовленных пуль.

агони, и отчаянный крик боли потонул в оглушительном громе. Последним, что я услышал, был этот ужасающий звук. Неведомая сила снова схватила меня и потащила прочь от гробницы. Мое тело осыпали ледяные камни, а воздух наполнился волчьим воем. Помню, что, прежде чем потерять сознание, я увидел движущуюся бесформенную белую массу, как будто из всех могил вокруг поднялись призраки тех, кто лежал в гробах, укрытые саванами, и теперь они приближались ко мне сквозь стену града.

Постепенно ко мне вернулось некое подобие сознания, потом пришло ощущение страшной усталости. Поначалу я ничего не мог вспомнить, но через какое-то время чувства восстановились. Ноги сводила адская боль, шевелить ими я не мог. Они словно отнялись. На шее и вдоль позвоночника ощущался холод, уши онемели и ужасно болели. Только в груди чувствовалось тепло, которое казалось необычайно приятным. Мое состояние было, если так можно выразиться, физическим кошмаром, поскольку какая-то тяжесть на груди почти не давала дышать.

Это полубеспамятство продолжалось довольно долго, и, когда оно стало проходить, я, похоже, заснул или потерял сознание. Потом я почувствовал тошноту, как при первых приступах морской болезни, и страстное желание освободиться от чего-то... хотя я и сам не знал, от чего. Вокруг царил полнейшая тишина, как будто весь мир погрузился в сон или умер... Было слышно лишь тяжелое дыхание, похожее на звериное, которое раздавалось совсем рядом. Я ощутил прикосновение к горлу, и тут пришло полное осознание ужасной правды, от которой кровь застыла у меня в жилах. Какое-то большое животное лежало у меня на груди и лизало шею. Я не осмелился пошевелиться, так как некий внутренний инстинкт самосохранения подсказал, что нужно лежать неподвижно. Однако зверь, кажется, почувствовал происшедшую во мне перемену и поднял голову. Сквозь ресницы я увидел над собой пару больших горящих глаз огромного волка. В раскрытой красной пасти блеснули острые зубы. Я почувствовал горячее дыхание, частое и зловонное.

На какое-то время я снова провалился в бездну беспомощности. Потом меня привело в сознание глухое рычание, прерываемое звуками, похожими на лай, которые повторялись снова и снова. Затем мне показалось, что издали донеслись звуки множества голосов,

которые в унисон повторяли: «Хола! Хола!» Осторожно я приподнял голову и посмотрел в том направлении, откуда они слышались, но могильные плиты мешали что-либо разглядеть. Волк по-прежнему продолжал рычать странным образом. Вдоль зарослей кипариса я заметил какое-то красное свечение, которое, похоже, двигалось на звук. Чем ближе слышались голоса, тем быстрее и громче рычал волк. Сам я издавать какие-либо звуки или шевелиться боялся. Свечение приближалось, двигаясь по белой пелене. Потом из-за деревьев разом появился целый отряд всадников с факелами в руках, они ехали рысью. Волк поднялся с моей груди и бросился по направлению к кладбищу. Я увидел, как один из кавалеристов (а то, что это были именно кавалеристы, было ясно по их головным уборам и длинным военным сюртукам) вскинул карабин и прицелился. Скакавший рядом с ним ударил его снизу по руке, и пуля просвистела у меня над головой. Несомненно, он принял меня за волка. Другой кавалерист, должно быть, заметил убегающего зверя. Прогредел еще один выстрел. После этого отряд конников устремился вперед, кто-то направился ко мне, а кто-то поскакал следом за серым, растворившимся среди заснеженных кипарисов.

Когда они приблизились, я попытался пошевелиться, но силы покинули меня совершенно, хоть я и мог видеть и слышать все, что происходило вокруг. Двое или трое солдат спешили и опустились на колени рядом со мной. Один из них приподнял мне голову и приложил руку к груди.

— Хорошие новости, друзья! — крикнул он. — У него еще бьется сердце!

Потом мне в рот влили несколько глотков бренди, которое оживило меня настолько, что я смог полностью раскрыть глаза и осмотреться. Среди деревьев носились огни и тени, было слышно, как перекрикиваются люди. Все начали съезжаться в нашу сторону, испуганно переговариваясь. Из лабиринта могил показались солдаты с факелами, глаза их были безумны. Когда все собрались вокруг меня, те, кто был рядом, взволнованно спросили:

— Ну что, вы нашли его?

Последовал быстрый ответ:

— Нет! Нет! Едем обратно... скорее! В этом месте нельзя оставаться. Тем более в эту ночь!

СОДЕРЖАНИЕ

Гость Дракулы. Предыстория к роману «Дракула».....	4
--	---

Дракула

Глава I	17
Глава II	28
Глава III	38
Глава IV	48
Глава V	60
Глава VI	67
Глава VII	77
Глава VIII	85
Глава IX	93
Глава X	105
Глава XI	113
Глава XII	118
Глава XIII	126
Глава XIV	137
Глава XV	143
Глава XVI	152
Глава XVII	162
Глава XVIII	168
Глава XIX	175
Глава XX	179
Глава XXI	188
Глава XXII	193
Глава XXIII	198
Глава XXIV	202
Глава XXV	207
Глава XXVI	212
Послесловие	221

Рисунки Ивана Иванова